

Язык и политические изменения¹

I

В этой статье я попытаюсь рассмотреть, что можно узнать о процессах политического обновления благодаря изучению меняющихся значений слов. Конечно, этот вопрос очень широк, и чтобы разобраться с ним, я сосредоточусь на недавнем и весьма влиятельном исследовании связей между языковыми и политическими изменениями. Работа, о которой идет речь и которая взята мной в качестве отправной точки, — это «Ключевые слова» Раймонда Уильямса.² Основная идея Уильямса заключается в том, что изучение «колебаний и путаницы значения» позволяет нам лучше понять вопросы «истории и современности» (Williams 1976: 21; 1983: 24). Если взять «некоторые слова на уровне, на котором они обычно используются», утверждает он, и тщательно изучить развивающиеся структуры значения «в историческом времени», то можно прийти к «определенному пониманию» нынешних социальных и политических разногласий и особенно в «передовом сознании» (Williams 1976: 20–21; 1983: 23–24). Но на какое именно понимание мы можем рассчитывать, изучая историю ключевых слов? И каким образом должно проводиться исследование, чтобы можно было быть уверенным в том, что такое понимание в достаточной мере достигнуто? Таковы вопросы, которые мне бы хотелось рассмотреть несколько более подробно.

¹ Quentin Skinner, «Language and Political Change». In: T. Ball, J. Farr & R. L. Hanson (eds). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, pp. 6–23.

² Raymond Williams, *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society* (London: Fontana, paperback, 1976), пересмотренное и дополненное издание вышло в 1983 году. Мой критический отзыв об этой книге первоначально вышел под заголовком: Quentin Skinner, «The Idea of a Cultural Lexicon». *Essays in Criticism*, July, 1979. За помощь, оказанную в работе над предыдущей версией, я благодарен Джону Данну, Сьюзен Джеймс, Джонатану Лиру, Кристоферу Риду и Ричарду Рорти. Настоящая статья представляет собой пересмотренное и дополненное (с небольшими изменениями) переиздание статьи 1979 года: Quentin Skinner, «The Idea of a Cultural Lexicon». *The State of the Language*, ed. L. Michaels and C. Ricks, Berkeley: University of California Press, 1980, pp. 562–578. Большинство тезисов Уильямса, критиковавшихся мной в 1979 и 1980 годах, были им пересмотрены или вовсе устранены во втором издании «Ключевых слов», вышедшем в 1983 году. Поэтому здесь приводятся ссылки на страницы обоих изданий его книги.

II

Но прежде нам хотелось бы по возможности развеять одно серьезное сомнение. Можно было бы возразить, что, выделяя «общие слова», мы вообще ошибаемся с выбором единицы анализа (Williams 1976: 13; 1983: 15). Цель Уильямса, говорит он нам, состоит в разъяснении «не только способа обсуждения, но и — на другом уровне — рассмотрения многих основных переживаний» (Williams 1976: 12–13; 1983: 15). Но если мы хотим понять, как кто-то смотрит на мир — какие различия он проводит, какие классификации он принимает, — то нам нужно знать не то, какими словами он пользуется, а, скорее, то, какими понятиями он обладает.

Такое возражение может показаться простой игрой со словами. Ибо на него можно ответить (и зачастую на него так и отвечали), что обладать понятием — значит знать значение слова. И такова, по-видимому, точка зрения самого Уильямса, поскольку при рассмотрении термина «природа» он не делает разницы между «словом и понятием», а говоря о «демократии», он объясняет, каким образом «понятие» «воплощено» в слове.³

Но было бы заблуждением отрицать существование разницы между ними. Прежде всего, понимание правильного употребления соответствующего термина не может быть необходимым условием обладания понятием. Предположим, к примеру, что я занимаюсь изучением мысли Мильтона и хочу узнать, считал ли Мильтон важной оригинальность поэта. По-видимому, следует ответить, что он придавал оригинальности большое значение. Говоря о своих задачах в начале «Потерянного рая», он специально подчеркивал свое решение иметь дело с предметами, «нетронутыми ни в прозе, ни в стихах». Но я бы никогда не смог прийти к этому выводу, рассматривая употребление Мильтоном слова «оригинальность». Ибо хотя это понятие явно занимало важное место в его мысли, слово появилось в языке спустя столетие после его смерти. Безусловно, можно написать историю слова «оригинальность» и его различных употреблений, но такое исследование ни в коем случае не будет историей понятия оригинальности — соображение, которое зачастую игнорируется на практике историками идей.

Кроме того, понимание правильного употребления соответствующего термина не может быть достаточным условием обладания понятием. По-прежнему существует (обнаруженная Кантом и Витгенштейном) вероятность того, что я могу быть уверен в том, что обладаю понятием, но при этом заблуждаться. Рассмотрим, например, трудности, связанные с некоторыми весьма общими терминами, наподобие «бытия» или «бесконечности». Ничто не мешает сообществу людей, пользующихся одним языком, употреблять такие термины. Но можно показать, что понятия, отвечающего распространенным употреблением, попросту не существует.

Каковы же тогда отношения между понятиями и словами? Вряд ли здесь можно рассчитывать на однозначный ответ, но, на мой взгляд, можно с уве-

³ Williams (1976: 84, 189). Но во втором издании (Williams 1983: 95, 224) такие утверждения отсутствуют, а в новом «Введении» Уильямс открыто признает «сложные отношения между словами и понятиями» (Williams 1983: 21).

ренностью утверждать, по крайней мере, следующее: верным признаком того, что группа или общество осознанно овладели новым понятием, служит развитие соответствующего словаря, словаря, позволяющего осмысленно выделять и обсуждать понятие. Это значит, что, хотя нам, конечно, необходимо быть более осторожными, нежели Уильямс, при установлении связи между употреблением слов и пониманием понятий, между словами и понятиями существуют систематические отношения, которые требуют изучения. Об обладании понятием, по крайней мере, *обычно* свидетельствует употребление соответствующего термина. Помня о том, что «обычно» не значит ни необходимо, ни достаточно, мы можем с полным правом перейти к рассмотрению означенных вопросов.

III

Прежде всего, необходимо знать тип и круг условий, при которых слово или словосочетание обычно употребляются. Предположим, к примеру, что я не знаю значения оценочного термина «смелый» и прошу кого-то объяснить мне, как правильно употреблять это слово. Мне, конечно, ответят, сославшись на различные признаки, которые позволяют отличить это слово от близких и далеких по смыслу прилагательных и тем самым определить его особое место в нашем языке социального описания и оценки. В числе этих условий, конечно, придется назвать по крайней мере следующие: это слово может использоваться только при условии совершения добровольного поступка; человеку должна угрожать явная опасность; сталкиваясь с ней, человек должен осознавать ее природу и понимать возможные последствия своего поступка. Подводя итог, — это только кажется тавтологией — можно сказать, что условия, при которых может применяться термин «смелый», таковы, что соответствующий поступок должен быть смелым.

Кроме того, чтобы употреблять оценочный термин правильно, я также должен знать область его референции. То есть я должен четко осознавать природу обстоятельств, в которых слово может быть правильно использовано для обозначения отдельных поступков или положений дел. Понятие референции часто считалось одним из аспектов или свойств значения слова. Но, возможно, полезнее считать понимание референции слова следствием понимания условий его правильного применения. Понять эти условия — значит понять смысл слова, его роль в языке и, следовательно, его правильное употребление. Только с таким пониманием я могу рассчитывать на то, что впоследствии мне удастся развить следующий и более непостижимый навык соотнесения слова с миром. Можно надеяться, к примеру, на то, что мне удастся выделить именно те поступки, которые правильно называть смелыми, и рассмотреть обстоятельства, при которых нам хотелось бы применить такое особое описание, или задаться вопросом о том, почему нам следует использовать именно его, а не какое-то другое. Например, кто-то мог бы назвать меня смелым, если бы я встретил мучительную смерть с улыбкой на лице. Однако ему можно было бы возразить, что, строго говоря, в этих обстоятельствах нет ничего опасного и, следовательно, здесь нужно говорить не о смелости, а о силе духа. Или, опять-таки, кто-то мог бы назвать меня смелым, если бы я вышел из зрительного зала, чтобы заменить укротителя львов. Но на это можно было бы возразить, что этот необдуманный поступок следует считать проявлением не смелости, а явно-

го безрассудства. Приведенные рассуждения касаются референции (но не значения) «смелости»: они связаны с выяснением того, соответствуют ли данные обстоятельства, которые юрист назвал бы обстоятельствами дела, общепризнанным условиям применения данного оценочного термина.

Применение слова к миру требует от нас четкого понимания его смысла и референции. Но в случае оценочных понятий нужно еще кое-что. Нам также необходимо знать, для выражения какой установки обычно используется этот термин. (Пользуясь жаргоном Джона Остина: необходимо знать, в каких речевых актах может использоваться слово). Например, нельзя говорить о правильном применении прилагательного «смелый», если не знать, что обычно оно используется для выражения похвалы, одобрения и особенно восхищения поступком, который описывается с его помощью. Называть поступок «смелым» — значит рассмотреть и описать его в особом моральном свете. Поэтому я могу выражать одобрение и восхищение поступком, называя его смелым, но я не могу осуждать его или глумиться над ним, описывая его таким образом.

Если три основных момента, которые мы должны знать для выделения класса оценочных терминов и правильного их применения, таковы, то теперь мы можем вернуться к вопросу, каким образом можно спорить о ключевых словах, если нам самим приходится задаваться вопросами относительно правильности его применения в каждом конкретном случае. Ответ Уильямса состоит в том, что такие споры должны касаться смыслов или значений соответствующих слов. Но, как я пытался показать, у нас могут быть разногласия по крайней мере по одному из трех различных моментов и они не обязательно касаются значения. Они могут касаться условий применения слова, удовлетворения этих условий в данных обстоятельствах или речевых актов, в которых это слово обычно используется.

IV

Даже если мы достигаем согласия относительно условий применения оценочного термина, могут возникнуть разногласия относительно его применения: разногласия, касающиеся удовлетворения данных обстоятельств условиям, при которых обычно используется этот термин. И такие разногласия, опять-таки, будут иметь важное социальное, а не только языковое значение. Ибо спор будет вестись о том, что отказ использовать термин в определенной ситуации может стать актом социальной бесчувственности или свидетельством отсутствия общественного сознания.

В качестве иллюстрации второго вида разногласий рассмотрим тезис о том, что жен в обычных семьях среднего класса в настоящее время вполне можно назвать страдающими от эксплуатации, эксплуатируемым классом. Социальную идею, лежащую в основе этого языкового шага, можно описать следующим образом. Всем непредвзятым наблюдателям должно быть очевидно, что условия современной семейной жизни таковы, что этот обвинительный термин, если задуматься, действительно описывает сложившееся положение вещей. Если же нам удастся доказать, что сложившаяся ситуация не отвечает условиям применения термина «эксплуатация», то мы нарочно отказываемся рассматривать институт семьи в его истинном и мрачном свете.

Очевидно, что разногласия носят здесь совершенно иной характер, чем в первом описанном мной случае. Тем не менее, моральные и политические философы обычно не делают здесь различия. Рассмотрим, к примеру, анализ воображаемого спора между марксистом и либералом, предложенный Стюартом Гемпширом в «Мысли и деятельности» (Hampshire 1959: 197), где последний «с удивлением обнаруживает, что его поступки, которые он никогда не наполнял политическим значением в его понимании «политического», наполняются политическим значением» его оппонентом-марксистом. Как ясно из вышеприведенной цитаты, Гемпшир (Hampshire 1959: 196) связывает этот вид разногласий со «смыслом» слова «политическое», с «разногласиями относительно условий применения» этого термина. Если суть спора состоит в этом, то у марксиста должны иметься основания для того, чтобы утверждать, что он использует этот термин, исходя из его *общепризнанного* значения. Непонятно, каким образом он вообще может спорить с либералом, если он просто доволен, по выражению Гемпшира (Hampshire 1959: 197), указанием на то, что у него есть иное понятие «политического», так что в итоге и он, и либерал оказываются замкнутыми в «своих совершенно обособленных мыслительных мирах». Еще менее ясно, если это все, что он хочет сказать, почему этот тезис должен подействовать на либерала, учитывая, что речь идет лишь о намерении использовать определенный оценочный термин особым образом. Если марксист действительно стремится убедить либерала согласиться с определенной политической мыслью или, по крайней мере, признать ее, ему необходимо сделать две вещи. Прежде всего, термин «политический» может применяться к множеству поступков, к которым либерал никогда и не подумал бы его применять. Кроме того, либерал может согласиться с таким применением термина в том случае, если он признает, что дело не в разногласиях относительно значения термина, а в том, что его — либерала — восприятие и сознание ограничено.

От такого же смешения, по-видимому, страдают и многие рассуждения Уильямса о ключевых словах. Он приводит исторические примеры разногласий, к примеру, о том, можно ли определенную процедуру считать эмпирической, можно ли определенный вид домашнего хозяйства называть семьей, можно ли говорить о том, что кто-то заинтересован в определенном положении вещей, и так далее (Williams 1976: 99, 109, 143; 1983: 115, 131, 171), — и в каждом случае, с его точки зрения, разногласия касаются «смысла» соответствующих понятий. Опять же важным для успеха социальной идеи, лежащей в основе этих языковых разногласий, кажется то, что рассматриваемые оценочные слова на основании своих общепринятых значений должны использоваться в качестве подходящего способа описания ситуаций, которые до настоящего времени не описывались в таких терминах.

Зачастую вследствие именно таких споров возникают новые значения. Но процесс, благодаря которому это происходит, полностью противоположен тому, что описывает Уильямс. Если подобный спор успешно разрешится, вряд ли в результате него возникнут новые значения, помимо того, что применение этого термина с новой областью референции в конечном итоге может изменить условия его применения. Результатом станет появление нового социального восприятия, благодаря которому соответствующие оценочные термины будут применяться с прежними значениями к новым обстоятельством

вам. Новые значения обычно возникают именно тогда, когда подобные споры оказываются неудачными.

Такое утверждение вполне может быть подтверждено, если рассмотреть, каким образом неудача в этих спорах оставляет свои следы в языке. Может стать, что когда социальная группа пытается настаивать на том, что более широкая, чем обычно, область обстоятельств отвечает общепринятым условиям применения особого оценочного понятия, другие носители языка, не разделяющие основных социальных представлений первой группы, могут просто подумать, что действительно предложено «новое значение» и с ним согласиться. История нашей культуры (и, следовательно, нашего языка) содержит множество таких недоразумений. Одним из богатых источников служат беспрестанные попытки сторонников коммерческого общества легитимировать свои занятия ссылками на общепризнанные моральные и духовные ценности. Рассмотрим, например, особое употребление термина «религиозный», который в конце XVI века стал использоваться для одобрения точности, строгости и аккуратности. Цель заключалась в том, чтобы показать, что обычные условия применения одобрительного слова «религиозный» можно обнаружить в таких действиях и, следовательно, сами действия должны считаться по сути своей благочестивыми, а не просто примерами административной компетентности. Провал этого предприятия отразился на появлении нового значения термина «религиозный» в XVII веке — значения, которое мы по-прежнему вспоминаем, когда говорим, например: «Я добросовестно (*religiously*) посещаю заседания своей кафедры». Кажется очевидным, что потребность в этой новой лексической единице первоначально вытекала из неспособности большинства носителей языка понять, что привычные признаки термина «религиозный» (включая понятие «благочестия») на самом деле присутствовали в то время во всех случаях употребления этого термина.

Кроме того, есть множество свежих примеров того же явления, причем некоторые из них приводятся в «Ключевых словах». Например, многие промышленные предприятия любят говорить (применительно к своим деловым стратегиям), что они обладают некой «философией»; и предприятия регулярно обещают выслать свою «литературу» (имея в виду только свои рекламные буклеты) будущим покупателям. И вновь имела место грубая попытка связать действия коммерческого общества с более «высокими» ценностями. И вновь провал этих попыток привел к возникновению полисемии. Услышав, что предприятие имеет некую «философию», большинство носителей языка предположило, что у этого слова должно иметься новое значение, и продолжило использовать этот термин соответствующим образом; им даже в голову не пришло, что у корпораций действительно может быть философия в традиционном смысле этого слова.

В языке имеются также примеры еще более серьезных идеологических неудач. В конечном итоге неясность относительно условий применения оспариваемого термина может привести не к полисемии, а к возврату к использованию первоначальных условий и устареванию более новых употреблений. Это можно наблюдать, к примеру, в истории слова «патриот». В XVIII веке враги правящей олигархии в Англии стремились легитимировать свои нападки на правительство, утверждая, что они были движимы исключительно уважением к конституции и что поэтому их действия заслуживают одобрения как патриотические, а не осуждения как фракционные. В результате, слово «патриот» стало означать

(согласно одному из определений доктора Джонсона) «смутьяна». Но с постепенным укреплением партийной политики оно перестало использоваться для осуждения, к нему вернулось его первоначальное значение и стандартное употребление для выражения похвалы.

Наконец, тот же спор может иметь более сомнительный исход, который, опять-таки, отразится в языке. Может статься, что после подобного периода семантической неясности устареет первоначальное, а не новое употребление. На первый взгляд, это может показаться подтверждением успеха основной кампании по изменению представлений общества. Ибо в этом случае вряд ли получится обратиться к изначальному значению слова, утверждая, что его новые употребления представляют собой простое искажение его основного смысла. Но в действительности такие перемены вновь указывают на идеологический провал, так как стандартизация новой совокупности условий неизбежно приведет к утрате оценочной силы термина. Иногда способность слова к оценке того, что им обычно описывается, может сохраниться в иной (и, как правило, более слабой) форме. Но зачастую процесс обретения нового значения приводит к полной утрате оценочной силы. Прекрасным примером служит история слова «товар». До появления коммерческого общества называть что-то товаром значило хвалить его и, в частности, говорить, что это отвечает чьим-то желаниям и тем самым может считаться полезным и подходящим. Позднее была предпринята попытка закрепить представление о том, что изделие, произведенное для продажи, следует считать источником пользы или выгоды для его покупателя и, следовательно, описывать и расхваливать как товар. Последующие попытки ранних английских капиталистов легитимировать свою деятельность привели к тому, что со временем слово «товар» стало полисемическим. Но, в конечном итоге, его первоначальное значение было утрачено, и у нас осталось только нынешнее и совершенно описательное значение «товара» как предмета торговли. Хотя капиталисты унаследовали землю, а вместе с ней и значительную часть английского языка, они не смогли убедить общество поддержать их славословия в адрес собственных коммерческих практик.

V

И даже в случае достижения согласия относительно условий применения оценочного понятия и признания того, что данная совокупность обстоятельств вполне может отвечать этим условиям, по-прежнему сохраняется возможность возникновения третьего вида разногласий: разногласий относительно направленности оценочной силы термина, то есть разногласий относительно природы и круга речевых актов, для совершения которых оно может использоваться. Это опять-таки можно считать важными социальными, а не просто языковыми разногласиями. Ибо в этом случае проблемой оказывается возможность того, что группа носителей языка может обладать ошибочными или нежелательными социальными установками.

В этом случае спорное употребление оценочного языка может быть вызвано двумя причинами. Прежде всего, мы можем отступить от ортодоксальной социальной установки, используя оценочный термин таким образом, что его потенциал стандартного речевого акта будет ослаблен или вовсе уничтожен.

Этого, в свою очередь, можно достичь двояким образом. Если мы не согласны с общепринятой оценкой отдельного действия или положения дел, мы можем выразить наше несогласие, попросту исключив соответствующий термин из нашего словаря. Множество примеров этого можно встретить в нынешних социальных спорах. Если говорить о терминах, которые до настоящего времени использовались в одобрительном ключе, то это произошло со словом «джентльмен». Что касается терминов, ранее использовавшихся для выражения некой снисходительности или покровительственности, это произошло со словом «туземец».

Следующий способ выражения той же формы несогласия кажется более многообещающим. Продолжая использовать общепринятый термин социального описания и оценки, мы можем произвести его контекстуальное прояснение, используя его исключительно для описания, а не для оценки описываемого. Опять-таки имеется множество современных примеров этого. Среди терминов, которые ранее использовались для выражения снисходительности или даже неприязни, классическим примером служит слово «черный» (при описании человека), независимо от того, используется оно как прилагательное или как существительное. Среди терминов, которые ранее использовались в одобрительном ключе, можно отметить новые и вполне нейтральные употребления таких слов, как «культура» и «цивилизация». Как отмечает сам Уильямс, последнее употребление прежде было распространено преимущественно в социальной антропологии, но теперь стало общепринятым среди тех, кто отвергает утверждения о том, что одна цивилизация заслуживает большего внимания, чем другая (Williams 1976: 50, 80; 1983: 59, 91).

Наш оценочный язык может быть использован для выражения наших социальных установок и более продуктивно. Простое использование оценочных терминов позволяет выразить несогласие не столько с идеей оценки описываемого, сколько с направленностью оценки, и стремление дать совершенно иную оценку.

И в этом случае опять имеются две возможности. Мы можем употребить термин, который обычно используется для осуждения описываемого, чтобы контекстуально дать понять, что, на наш взгляд, соответствующее действие или положение дел заслуживает одобрения. Как отмечает Уильямс, одним из любопытных примеров такого полного изменения значения может служить история слова «миф» (Williams 1976: 176–178; 1983: 210–212). В более самоуверенно-рационалистическую эпоху использование слова «мифологический» при описании некоего явления было равнозначно его разоблачению. Но в недавних спорах этот термин зачастую использовался для превозношения мифологической «версии реальности» как более «истинной» и «глубокой», в отличие от более привычной и приземленной. Нам может не нравиться форма поведения, которая теперь считается заслуживающей одобрения, и мы можем выразить свое неодобрение, контекстуально дав понять, что, хотя этот термин обычно используется для выражения одобрения, мы используем его для осуждения описываемого. Опять-таки имеется множество примеров подобной борьбы в нынешних идеологических спорах. Достаточно вспомнить политиков, которых одни комментаторы постоянно восхваляют, называя их либералами, тогда как другие используют этот термин для того, чтобы выразить свое осуждение.

Часто забывается тот факт, что одна из наиболее важных задач использования оценочного языка состоит в легитимации и описании действий и отношений господствующих социальных групп. Важность этого обстоятельства можно понять, если ненадолго вернуться к уже рассмотренному примеру с предпринимателями елизаветинской Англии, которые пытались убедить своих современников в том, что, несмотря на кажущуюся сомнительность своих коммерческих занятий, на самом деле они заслуживали уважения. Одна из уловок заключалась, как мы видели, в утверждении, что свойственные предпринимателям пунктуальность и добросовестность служат проявлениями религиозности, а затем уже из этого делался вывод о том, что ими движут благочестивые, а не своекорыстные мотивы. В этом случае, основной задачей, конечно же, была легитимация явно неблагоприятного поведения при помощи описания его в этих весьма одобрительных терминах.

Может сложиться впечатление, что этот пример прекрасно соответствует метафоре языка как зеркала более глубокой реальности. Считается, что торговец ведет более или менее сомнительный образ жизни, который он стремится представить легитимным. Поэтому он обращается только к тем принципам и предлагает только те описания, которые позволяют представить его поведение в морально приемлемом свете. Поскольку выбор принципов и соответствующих описаний его поведения явно осуществляется *ex post facto*, трудно представить, чтобы его поведение зависело от изучения избранного им морального языка. Ибо его выбор словаря, по-видимому, определяется его более важными социальными потребностями.

Но, как я попытался объяснить, это ведет к неправильному пониманию роли нормативного словаря, который используется во всех человеческих обществах для описания и оценки социальной жизни. Торговец не может рассчитывать на то, что *всякий* совершаемый им поступок может быть описан как «религиозный». Так будут описываться только те его поступки, которые с определенной степенью правдоподобности отвечают общепризнанным условиям применения этого термина. Из этого следует, что, если он стремится сделать так, чтобы его поведение считали действительно религиозным, ему придется совершать весьма ограниченный набор поступков. Таким образом, проблема, с которой сталкивается торговец, желающий казаться благочестивым, а не своекорыстным, попросту не может быть инструментальной проблемой, связанной с согласованием его моральных принципов с его задачами; она во многом связана с согласованием его целей с уже существующим языком моральных принципов.

История торговца позволяет извлечь два основных урока. Первый: было бы ошибкой считать отношения между нашим социальным словарем и нашим социальным миром исключительно внешними и случайными. Наши социальные практики действительно помогают наполнять значением наш социальный словарь. Но наш социальный словарь также помогает установить характер этих практик. Чтобы понять, какую роль играет оценочный язык в легитимации наших социальных действий, следует осознать, что наш социальный язык и наша социальная ткань опираются друг на друга. Как заметил Чарльз Тейлор (Taylor 1971: 24), «при желании мы можем говорить о взаимной зависимости,

но на самом деле следует говорить об искусственности различия между социальной реальностью и языком описания этой социальной реальности».

Второй: если причинная связь между социальным языком и социальной реальностью действительно существует, то рассуждения об отражении одной другим могут оказаться полностью неверными. Как показывает пример с торговцем елизаветинской эпохи, понимание природы нормативного словаря, используемого для описания и оценки своего поведения действующим лицом, накладывает ограничения на его поведение. Это, в свою очередь, означает, что, если мы хотим объяснить, почему наш торговец совершал одни поступки и избегал других, нам придется обратиться к моральному языку, господствовавшему в обществе, в котором он жил. И это не следствие его целей, а одна из детерминант его действий.

Так что литературным критикам и социальным историкам следует избегать распространенной, но обедняющей формы редукционизма. Но также следует сказать, что специальные методы литературной критики занимают — или должны занимать — центральное место в критике культуры.

Перевод с английского Артема Смирнова

Использованная литература

- Витгенштейн, Людвиг. 1994. «Философские исследования». В: Витгенштейн, Людвиг. *Философские работы*. Часть I. Москва: Гнозис. С. 75–320.
- Остин, Джон. 1999. «Как совершать действия при помощи слов?». В: Остин, Джон. *Избранное*. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. С. 13–138.
- Dummett, Michael. 1971a. *Frege: Philosophy of Language*. London: Duckworth.
- _____. 1973b. «The Justification of Deduction». *The Proceedings of the British Academy* 59: 201–232.
- Foot, Philippa. 1958. «Moral Arguments». *Mind* 67: 502–513.
- Hampshire, Stuart. 1959. *Thought and Action*. London: Chatto and Windus.
- Murdoch, I. 1970. *The Sovereignty of Good*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Putnam, Hilary. 1975. «How Not to Talk about Meaning». in *Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*, vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 117–131.
- Searle, John R. 1962. «Meaning and Speech Acts». *The Philosophical Review* 71: 423–432.
- Skinner, Quentin. 1974a. «Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action». *Political Theory* 2: 277–303.
- 1974b. «The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole». In Neil McKendrick (ed.), *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J. H. Plumb*. London: Europa Publications, pp. 93–128.
1978. *The Foundations of Modern Political Thought*, 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor, Charles. 1971. «Interpretation and the Sciences of Man». *The Review Metaphysics* 25: 3–51.
- Williams, Raymond. 1976. *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. London: Fontana (revised and expanded, 1983).